

А. В. УРЯДОВА

**ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ КОНСТИТУЦИИ
В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ¹**

**FIRST-WAVE RUSSIAN ÉMIGRÉS' PERCEPTION
OF THE FIRST SOVIET CONSTITUTIONS**

This article is devoted to how the first Soviet constitutions were perceived by first-wave Russian émigrés. Despite the relatively large number of lawyers among them, their analysis of the constitutions was not based on the theory of law. Instead, émigrés measured them against their compliance with the historical development of Russia as well as their compatibility with other laws and by-laws. Russians abroad were primarily concerned about the constitutions' implementation. Any study of this topic will therefore discuss not only these Russians' perception of the documents, but also of the Soviet state and its policies in the 1920s. Especially interesting are the arguments about the role of the Soviets and the Soviet system. This paper examines and compares views held by representatives of different political circles, identifying similarities and differences. Most of the émigrés' analyses of the Soviet system in the 1920s resulted in the following assessments: formal legislation was not being observed in practice; management was being gradually centralized; a transition was taking place away from the dictatorship of the proletariat and towards the dictatorship of the party, the oligarchy, and the autocracy of Stalin; the functions of the Soviet organs were being duplicated and replaced by the Communist Party; and bureaucracy was burgeoning.

Keywords: Soviet constitutions, Russian emigration, Russia abroad, perception

Anna V. Uriadova – DSc in History, tenured professor at the P. G. Demidov Yaroslavl State University. E-mail: uryadovaanna@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0091-0293>

---

¹ *Citation:* A. V. URIADOVA, “Pervye sovetskie konstitutsii v vospriatii russkikh emigrantov pervoi volny” [First-Wave Russian Émigrés' Perception of the First Soviet Constitutions], *RussianStudiesHu* 5, no. 2 (2023): 33–45. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.12

Безусловно, говорить о незамедлительной реакции русского зарубежья на первую Конституцию 1918 г. не приходится, хотя бы потому, что сама пореволюционная эмиграция как явление находилась еще в зачаточном состоянии. Этот документ подвергся анализу чуть позже (в 1920-х гг.) в разрезе его реализации, соответствия историческому развитию России, сопряженности с другими законами и подзаконными актами, в плане сравнения с Конституциями СССР и РСФСР 1920-х гг. Забегая вперед, отметим, что оценка Конституции с точки зрения теории права не встречалась.

Анализ законодательной базы, и прежде всего Конституции не мог быть оставлен без внимания, поскольку для эмиграции закон был основой любого государственного строительства.

Юрист евразиец Н. Н. Алексеев отмечал, что по Конституции каждый элемент советского государства обладал правом самоопределения, самоуправления и автономии, но лишь в теории, на практике децентрализация власти была чисто административной². В СССР же она, по его мнению, находилась в руках неофициальных органов власти – диктатуры коммунистической партии³. То есть, делал он вывод, советская демократия отодвигается на второй план, страна же управляется на основе олигархического начала⁴ и покоится на трех главных основаниях: «1) на привычке русского народа к самоуправлению; 2) на подчас неправомерных действиях правящей партии, допускающей произвол и лишение целых групп населения избирательных прав («буржуев», «кулаков» и др.); 3) на специфике современного советского права, отдавшего преимущество городу (и фабрике) перед деревней»⁵. При этом Н. Н. Алексеев все-таки расценивал опыт создания и деятельности Советов как положительный и важный для самоуправления и самоорганизации в будущем⁶.

Некоторые слои русского зарубежья достаточно спокойно воспринимали советский принцип управления государством (советизм, власть Советов), считали, что он призван стать «потенцированным воплощением, кульминационным пунктом демократизма», его новым

2 Н. Н. АЛЕКСЕЕВ, *Русский народ и государство* (М.: Аграф, 1998), 334, 335.

3 Н. Н. АЛЕКСЕЕВ, «Государственный строй», в *Право Советской России* (Прага: Пламя, 1925. Кн. 1), 29–120.

4 Н. Н. АЛЕКСЕЕВ, *Русский народ и государство*, 336–337.

5 Цит по.: А. И. Доронченков, *Эмиграция первой волны о национальных проблемах и судьбе России* (СПб.: Дмитрий Буланин, 2001), 57–58.

6 Н. Н. АЛЕКСЕЕВ, *Русский народ и государство*, 358.

улучшенным вариантом. На него обратили особое внимание после того, как лозунг «Советы без большевиков» был выдвинут Кронштадтским восстанием.

Уже в дни восстания кадет П. Н. Милюков писал, что Советы популярны в народе, поэтому их можно взять за основу будущего устройства России, создав с их помощью любую власть. Он призывал эсеров и меньшевиков не бороться с ними, не спешить с лозунгом Учредительного собрания, а временно оставить Советы как местные органы, с тем, чтобы уменьшить сопротивление и затем разрушить советский строй изнутри⁷. О возможности сохранения системы Советов в будущем (с некоторой трансформацией или без нее) писали и представители других политических течений (например, евразийцы и младороссы).

При этом некоторые эмигранты, в частности эсер, бывший председатель Временного правительства А. Ф. Керенский указывали на несоответствие реалий советским законам. Так, де-юре декларировалась демократия, прежде всего в системе Советов, на деле же, по его мнению, Советы были антидемократичными и даже антисоветскими образованиями, состоявшими из чиновников. Он считал, что Советская Россия представляла централизованную диктатуру одной партии, власть которой ничем не была ограничена⁸.

Аналогичную характеристику давал и эсер В. М. Чернов, подчеркивая, что Советы лишь формально являются высшими государственными органами, на деле же управляет ЦК партии, который через Политбюро осуществляет надзор за государственными институтами⁹.

Эту точку зрения разделял и эсер Г.И. Шрейдер, который выводил обоснование партийной диктатуры из Конституции и «Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа», отвергавших буржуазный принцип разделения властей и наделивших ряд советских органов одновременно исполнительной и законодательной властью с целью ее полного сосредоточения в партии¹⁰. Он писал о формальной автономии, которую давал на местах лозунг «Вся власть Советам», отмечая при этом, что она вступала в противоречие с партийной диктатурой.

7 Последние новости. 1921. 18 марта.

8 См. подробнее: И. М. Рыбаков, «Александр Федорович Керенский о России: оценки "Издайка"», *Достижения вузовской науки*, no. 15 (2015): 36–40.

9 См. подробнее: О. В. Коновалова, В. М. Чернов о путях развития России (М.: РОССПЭН, 2009), 233–234.

10 Г. И. ШРЕЙДЕР, «Перспективы коммунистической диктатуры», *Революционная Россия*, no. 59–60 (1927): 25.

Была необходима централизация. «Жестокая борьба между центром и местами, когда центральная власть десятками упраздняла местные советы», закончилась, по словам Г.И. Шрейдера, полной победой центра, закрепленной в новой Конституции РСФСР 1924 г.: советы лишались высшей местной власти, которая переходила к Исполнительным комитетам, становящимся основой всей системы управления¹¹.

Соглашался с этим социолог и правовед Н. С. Тимашев. Он относил СССР к типу государств «с раздвоенной властью, с властью, распадающейся на две системы, из коей одной принадлежат все почести, обычно с властью связываемые, а другой, все то реальное, что дается властью»: «формально правит так называемая «советская власть», то есть власть, по идее базирующаяся на представительстве «трудящихся», но которая по существу находится в полном подчинении у своеобразной социальной организации, именуемой коммунистической партией»¹².

В 1925 г. на немецком языке вышел труд Н. С. Тимашева «Основы советского государственного права», в котором доказывалось, что правительственные органы Советского государства являлись только «показным лицом» советского политического режима, действительный же суверенитет принадлежал коммунистической партии¹³. Автор придавал наличию партократии первостепенное значение и в отношении «прав национальностей», поскольку «федерализму, который выступает в качестве одного из важнейших конструктивных принципов советской системы, в системе коммунистической партии соответствует строжайший централизм», имея в виду руководящий партией ЦК, и обязательность его решений для всех ячеек независимо от национальной принадлежности и территориального расположения¹⁴. Н. С. Тимашев полагал, что даже декларируемый федерализм – это временная мера, и вскоре он будет заменен централизмом. Он отмечал, что, несмотря на право самоопределения и признание суверенитета союзных республик, автономии отдельных территорий, в реальности они не действуют, поскольку в СССР господствует централизация. Он вы-

11 Г. И. ШРЕЙДЕР, «Царское в советском (К пересмотру системы управления)», *Революционная Россия*, по. 57–58 (1927): 41.

12 Н. С. ТИМАШЕВ, «Проблема национального права в Советской России», *Современные записки*, по. 29 (1926): 394.

13 Н. А. ОМЕЛЬЧЕНКО, *В поисках России: Общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности* (СПб.: Изд-во РХГИ, 1996), 358.

14 Н. С. ТИМАШЕВ, *Проблема национального права в Советской России*, 394.

делял следующие особенности советского законодательства по национальному вопросу: 1) не равно для различных национальностей; 2) тесно переплетается в своем осуществлении с началом федерализма, порождая при этом определенные парадоксы несоответствия (сопряженье в условиях равноправия, например, РСФСР и Туркменистана (в СССР) или «основного ядра РСФСР» и Карельской республики (в РСФСР)); 3) носит преимущественно декларативный характер. Принятие такой национальной политики он объяснял тремя причинами: необходимостью развития национальных коммунистических ячеек; боязнью национального движения; стремлением создать привлекательный образ СССР за границей¹⁵.

Русский правовед Н.В. Устрялов, которого считают идеологом «сменовеховства» и основоположником национал-социализма, уделяя внимание советской национальной политике, отмечал следующие тенденции: создание новых наций («из коих некоторые подчас даже кажутся призрачными, искусственно оживляемыми») и признание их права на государственное отделение; их идеологическое подчинение общесоветской культуре; признание права народов СССР на культурно-национальное самоопределение и равноправие¹⁶. Н. В. Устрялов являлся приверженцем унитарной модели формы государственного устройства, считая советское федеративное устройство явлением временным.

Историк-евразиец Г. Вернадский считал, что большевики вовремя учли ошибки белых и провозгласили принцип автономии окраин, признавая желательным «федеративное объединение государств, организованных по советскому типу»¹⁷ и используя силу национальных чувств. Он полагал, что отношение к национальностям и национальной проблеме является сильнейшей стороной советского строя, хотя и понимал ограниченность прав субъектов. Он связывал ее не с Конституцией, считая последнюю довольно либеральной (республики имеют право на отделение), но с ролью и доминированием коммунистической партии, стоящей над Конституцией¹⁸.

15 Н. С. Тимашев, *Проблема национального права в Советской России*, 390–392, 397.

16 А. В. Довбыш, «Трансформация воззрений Н. В. Устрялова на советское государство», *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, no. 3 (2016): 133.

17 Г. В. Вернадский, *Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры* (М., 2005), 96–98.

18 См.: А. Ю. Дворниченко, «Георгий Вернадский о советской России (к публикации статьи Г. В. Вернадского «Парадоксы большевизма»)», *Новейшая история России / Modern History of Russia*, no. 2 (2015): 105.

Среди особенностей национального строительства уже упоминавшийся ранее Н. Н. Алексеев выделял приспособление к ситуации, когда вхождение в федерацию (добровольное или оккупацией) сопровождалось принятием большевистской программы и нового государственного строя. Автор подчеркивал противоречие между интернационализмом и правом наций на самоопределение¹⁹. Соглашаясь с тем, что федерализм – наиболее эластичная форма государственного устройства и наилучшая при децентрализации, Н. Н. Алексеев сомневался, является ли советский федерализм федерализмом²⁰, высоко оценивая при этом наличие в нем качеств, которых лишены западные федерации: силы притяжения и влияния, которые содействуют вхождению в СССР²¹.

П. Н. Милюков писал по поводу федеративного устройства СССР следующее: «...Составные части РСФСР не обладают той степенью самостоятельности, которыми должны обладать федеративные части... СССР – ...эта высшая группировка только с большой натяжкой может назваться «федеративной»... У членов СССР, не говоря уже о РСФСР, нет собственного бюджета, они вполне зависят тут от центра, все ресурсы их народной экономики находятся в распоряжении центральной власти — вплоть до раздачи концессий»²². Отмечалось, что «федеративные части были лишены в этих областях даже тех прав, которые имели старые земские собрания». Он видел, что свободный выход из Союза является не более чем декларацией. И вместе с тем, он верил в возможные будущие перспективы: «советское законодательство может явиться... прецедентом при определении форм будущей федерации»²³.

Н. В. Устрялов в своих трудах 1921–1925 гг. неоднократно подчеркивал роль большевиков в объединении разрозненных территорий бывшей Российской империи и считал их силой, способствовавшей сохранению российской государственности²⁴. Он выступал за сильную государственность, в которой видел гарантию сохранения страны, на-

19 Н. Н. Алексеев, *Русский народ и государство*, 336–337.

20 Н. Н. Алексеев, *Советский федерализм* (Б.м., б.г.), 240.

21 Н. Н. Алексеев, *Русский народ и государство*, 317.

22 Три платформы Республиканско-Демократических Объединений (1922–1924 гг.). *Политический комментарий П. Н. Милюкова* (Париж, 1925), 21.

23 Три платформы Республиканско-Демократических Объединений, 22.

24 А. В. Довбыш, «Трансформация воззрений Н. В. Устрялова на советское государство», 132.

ции и культуры, считал, что большевики стали государственниками и способны восстановить «русское великодержавие»²⁵.

Внимание советской государственной системе было уделено Зарубежным Съездом 1926 г. Так, в докладе русского судебного деятеля, бывшего сенатора В.П. Носовича, называвшемся «Общая характеристика советских декретов», говорилось о том, что они дают ложное представление о советском строе как обеспечивающем неприкосновенность прав населения, самостоятельности законодательных, судебных и административных органов власти. Он считал, что советские органы подменяют собой судебные и другие, выносят решения противоречащие законодательству. В. П. Носович делал вывод, что правовая и экономическая задача большевиков – разрушение всех учреждений и институтов, лежащих в основании правовых государств, и прежде всего религии, собственности и семьи²⁶.

Уже упоминавшиеся ранее юристы Н. С. Тимашев и Н. Н. Алексеев считали, что сам процесс законотворчества и принципы юриспруденции в СССР нарушают все известные традиционные нормы²⁷. С этим были согласны многие эмигранты, отмечавшие чрезмерную легкость в решении правовых вопросов, законодательную чехарду, неопределенность многих документов и другие юридические несоответствия²⁸.

Автор, писавший под псевдонимом Старый Юрист, называл советское законодательство одним из наиболее ярких проявлений безнадежного творческого бессилия: «власть ищет спасения или в возвращении к отвергнутым формам, или в безнадежных попытках окончательно разрушить и вырвать с корнем все остатки прошлого»²⁹. Отмечались отсутствие гарантий применения даже такого законодательства, а также партийная, а не государственная инициатива в законотворчестве³⁰.

Анализируя публично-правовое положение советских граждан, ряд видных юристов-эмигрантов пришел к выводу, что даже с точки

25 Н. В. Устрялов, *В борьбе за Россию* (Харбин, 1920), 12.

26 Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-7035, оп. 1, д. 6, л. 26.

27 Н. Н. Алексеев, Н. С. Тимашев, «Источники права», в *Право Советской России* (Прага, 1925, Кн. 1), 12–19.

28 «Советские законоискусники», Руль. 1922. 27 ноября, ГАРФ. Ф. Р-5893, оп. 1, д. 68, л. 118; Ф. Р-5680, оп. 1, д. 23, л. 47.

29 Старый Юрист, «Заметки о советском законодательстве (независимый суд)», *Борьба за Россию*, по. 2 (1926): 13.

30 ГАРФ. Ф. Р-5680, оп.1, д. 23, л. 49.

зрения законодательства, не говоря уже о практике, «форма властвования в Советской России должна быть признана деспотической в техническом смысле слова», хотя и отмечали, что в годы НЭПа стали возникать «некоторые зародыши свободы, наиболее явные в области неприкосновенности имущества и свободы труда и передвижения, и весьма слабые в других областях»³¹.

Журналист Д. М. Горбацевич (псевдоним Минский Мужик), анализируя советское законодательство, отмечал его декларативность и несоблюдение на практике, уничтожение инициативы на местах³². По его мнению, Конституция 1918 г. знаменовала первый этап большевистской диктатуры (не пролетариата, а над пролетариатом), формирование новой бюрократии назначенцев. Он отмечал ее соответствие всем завоеваниям Февраля, но в то же время – формальный характер и абсолютное несоблюдение в жизни: централизм, уничтожение в народе всего самодеятельного, творческого, роспуск большинства небольшевистских объединений, тотальный контроль над оставшимися, замена социализации земли национализацией, рабочего контроля в промышленности – контролем назначенцев, превращением милиции в армию, попрание права наций на самоопределение (например, в Грузии), уничтожение автономии Советов. По мнению Д. М. Горбацевича, Конституция 1924 г. только закрепила завоевания советской бюрократии, предоставив ей права дальнейшего продвижения по пути диктатуры, результатом чего явились «столыпинская деревня» (хутора) и полный контроль чиновничьей бюрократии над государственной индустрией³³.

Сенсацией в эмиграции стала книга одного из лидеров партии народных социалистов А.В. Пешехонова «Почему я не эмигрировал из России»³⁴, в которой он не критиковал большевиков, а напротив, отмечал их заслуги, главной из которых считал восстановление государственности, государственного аппарата управления, который, несмотря на все его несовершенства, справлялся со своими задачами³⁵. Однако обвинявшие автора в большевизанстве эмигранты игнорировали тот факт, что автора устраивала форма, но не содержание.

31 А. В. Боголепов, Н. С. Тимашев, А. В. Маклецов, «Административное право», в *Право Советской России* (Прага, 1925, Кн. 1), 121–214.

32 Минский Мужик, *Правда о Советской России* (Н. Й., 1937), 15, 137.

33 Там же. с. 11–12.

34 А. В. Пешехонов, *Почему я не эмигрировал* (Берлин: Обелиск, 1923).

35 Там же. с. 51.

Он отмечал, что в Советской России существует расхождение между словом и делом, советским законодательством и реалиями жизни. А. В. Пешехонов писал, что с формальной точки зрения там демократия, фактически же – все структуры власти, в том числе и Советы, являются декорацией, техническим аппаратом³⁶, торжествует диктатура коммунистической партии, и прежде всего ее Политбюро³⁷, которые держатся исключительно благодаря жандармским методам. Поэтому автор отмечал, что, несмотря на восстановление большевиками государственности, этот ее вариант хуже, чем был до революции. Во многом с ним были согласны такие общественно-политические деятели, как Е. Кускова, В. Станкевич, М. Осоргин, члены парижской группы кадетов, признавшие «новую тактику» П. Н. Милюкова. Н. В. Устрялов еще во время революции считал диктатуру наилучшей формой правления для страны, находившейся в кризисной ситуации. Поэтому своих работах 1920-х гг. он неоднократно возвращался к этой мысли уже на примере советского государства, полагая, что «диктатура пролетариата» была единственной возможностью «...восстановить бывшее русское великодержавие...» и укрепить международный авторитет страны³⁸.

А. Ф. Керенский, а также группа правых эсеров во главе с Н. Д. Авксентьевым считали, что большевики не сделали ничего положительного в деле восстановления российской государственности³⁹. То, что они создали, не является государственным аппаратом в понимании современного цивилизованного государства, это – система насилия⁴⁰. К Советам они относились как к придатку коммунистической партии⁴¹.

Разделяли эту точку зрения В. М. Чернов и его единомышленники. Они были убеждены, что существование Советов как выборных демократических органов власти нужно большевикам для создания видимости народовластия, на деле же это технический аппарат в руках партии, контролируемый ею и используемый исключительно в партийных

36 А. В. Пешехонов, *Почему я не эмигрировал*, 6; «Что рассказывает А. В. Пешехонов», *Сегодня*. 1922. 10 октября.

37 А. В. Пешехонов, *Почему я не эмигрировал*, 68.

38 Н. В. Устрялов, *Россия. У окна вагона* (Харбин, 1926), 37.

39 См. подробнее: Е. И. Белова, «Демократическая эмиграция о советской государственности», в *Зарубежная Россия. 1917–1939*. (СПб., 2000), 40–46.

40 См., например: «Трагедия русской интеллигенции: (Прения по докладу Н. Д. Авксентьева)», *Последние новости*. 1923. 20 июля; М. Вишняк, «На родине и на чужбине», *Современные записки*, no. 26 (1925): 396.

41 М. Вишняк, «О “свободных советах”», *Дни*, no. 72 (1930): 10.

интересах⁴². Наличие государственной власти в Советской России левые эсеры не считали заслугой большевиков⁴³. В. М. Чернов пришел к выводу, что, восстановив государственность такого типа, большевики сделали шаг назад к самодержавию⁴⁴.

Г. Вернадский отрицал наличие демократии: одна правящая партия, другие партии запрещены. Есть способы самовыражения людей, местные органы самоуправления, но и те, по сути «пляшут под дудку» центра. Свободы слова и печати тоже нет⁴⁵.

Даже те эмигранты, кто признавал Советы как демократическую форму правления, констатировали несоответствие идеи ее реализации, при которой основные принципы были искажены, все атрибуты народовластия отменены: сохранялись в законодательстве, но реально не соблюдались или даже не могли соблюдаться (например, замена выборов назначением, невозможность ряда категорий населения участвовать в выборах⁴⁶).

К выборам, как к одному из символов демократии, было особое внимание. В журнал «Революционная Россия» читаем об «имитации воли выборщиков», при которой вся работа направлена на поддержку коммунистов⁴⁷. В газете «Руль» отмечалось полное безразличие участников к ним, отсутствие агитации и пропаганды. Выборы 1922 г. были названы первыми, давшими надежду одним и вызвавшими опасение других на проникновение оппозиции в Советы. По мнению редакции, этот орган не пользовался престижем, поэтому выборы не вызвали ни активизма сил противостоящих большевикам, ни применения коммунистами давления и принуждения в ходе кампании⁴⁸.

Г. И. Шрейдер критиковал советское избирательное право за его неопределенность, свободное и произвольное толкование на практике, соответствие не основам избирательного права и Конституции, а постоянно изменявшейся избирательной инструкции⁴⁹. Другим его недостатком он называл открытое голосование, исключающее свободу волеизъявления граждан. Поскольку в СССР гарантий юридиче-

42 О. В. Коновалова, В. М. Чернов о путях развития России, 239.

43 См. подробнее: Е. И. Белова, «Демократическая эмиграция о советской государственности», 40–46.

44 В. М. Чернов, «Исповедь навыворот», *Воля России*, по. 13 (1923): 28.

45 См.: А. Ю. Дворниченко, «Георгий Вернадский о советской России», 105

46 См., например: ГАРФ. Ф. Р-6215, оп. 1, д. 6, л. 11.

47 «Выборы в Московский Совет», *Революционная Россия*, по. 8 (1921).

48 «Перевыборы Советов», *Руль*. 1922. 28 октября.

49 Г. И. Шрейдер, «Перспективы коммунистической диктатуры», 26.

ской неприкосновенности личности, свободы печати и независимости суда не было, поэтому исход выборов, считал Г.И. Шрейдер, зависит от власти⁵⁰. Особое внимание в связи с реформой местных Советов он уделил выборной кампании 1924 г., отмечая ее направленность на создание сильной и влиятельной советской власти в деревне, «коммунистичиванию» Советов в целом⁵¹. В газете «За свободу» выборы 1924 г. назывались марионеточными и бутафорскими, отмечалось изменение их механизма с целью «из некоммунистического противобольшевистского населения получить исключительно коммунистических «депутатов» в государственные и губернские учреждения»⁵².

Подводя итог, можно сказать, что оценивая советский строй в 1920-е гг., большинство эмиграции сходилось в следующих тезисах: формальный характер законодательства, которое не соблюдается на практике; постепенная централизация управления; декларативность федеративных принципов; переход от диктатуры пролетариата к диктатуре партии, олигархии, единовластию в лице И.В. Сталина; дублирование, а затем подмена функций советских органов партийными, рост бюрократии. При этом оценка тех или иных явлений (например, диктатуры и централизации власти) могла существенно отличаться.

References

- N. N. ALEKSEEV, "Gosudarstvennyi stroi" [The State System], v *Pravo Sovetskoj Rossii* (Praga: Plamia, 1925, Kn. 1), 29–120.
- N. N. ALEKSEEV, *Russkii narod i gosudarstvo* [The Russian People and the State] (M.: Agraf, 1998), 317, 334–337, 358.
- N. N. ALEKSEEV, *Sovetskii federalizm* [Soviet Federalism] (B.m., b. g.), 240.
- N. N. ALEKSEEV, N. S. TИMAШEV, "Istochniki prava" [The Sources of Law], v *Pravo Sovetskoj Rossii* (Praga, 1925, Kn. 1), 12–19.
- E. I. BELOVA, "Demokraticheskaia emigratsiia o sovetskoj gosudarstvennosti" [Democrat Émigrées on Soviet Statehood], v *Zarubezhnaia Rossii. 1917-1939*. (SPb., 2000), 40–46.
- A. V. BOGOLEPOV, N. S. TИMASHEV, A. V. MAKLETSOV, "Administrativnoe pravo" [The Administrative Law], v *Pravo Sovetskoj Rossii* (Praga, 1925, Kn. 1), 121–214.
- V. M. CHERNOV, "Ispoved' navyvorot" [Confession Inside Out], *Volia Rossii*, no. 13 (1923): 28.

50 Г. И. Шрейдер, «Перевыборы советов и местная реформа в Советской России», в *Записки института изучения России*. Т. 1 (1925), 179.

51 Там же. с. 185.

52 «Тоже "выборная компания"», *За свободу*. 1924. 23 октября.

Chto rasskazyvaet A. V. Peshekhonov [What A. V. Peshekhonov Says], *Segodnia*, 10 oktiabria, 1922.

A. I. DORONCHENKOV, *Emigratsiia pervoi volny o natsionalnykh problemakh i sud'be Rossii* [First-Wave Émigrés on National Issues and the Fate of Russia] (SPb.: Dmitrii Bulanin, 2001), 57–58.

A. V. DOVBYSH, “Transformatsiia vozzrenii N. V. Ustrialova na sovetskoe gosudarstvo” [The Transformation of N. V. Ustrialov’s Views on the Soviet State], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, no. 3 (2016): 132–133.

A. Iu. DVORNICHENKO, “Georgii Vernadskii o sovetskoï Rossii (k publikatsii stat’i G. V. Vernadskogo “Paradoksy bol’shevizma”)” [Georgy Vernadsky on Soviet Russia (For the Publication of G.V. Vernadsky’s Article “Paradoxes of Bolshevism”)], *Noveishaia istoriia Rossii / Modern History of Russia*, no. 2 (2015): 105.

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation]

- f. P-5680, op. 1, d. 23, l. 47, 49.
- f. P-5893, op. 1, d. 68, l. 118.
- f. P-6215, op. 1, d. 6, l. 11.
- f. P-7035, op. 1, d. 6, l. 26.

O. V. KONOVALOVA, V. M. *Chernov o putiakh razvitiia Rossii* [V.M. Chernov on the Paths of Russia’s Development] (M.: ROSSPEN, 2009), 233–234, 239.

MINSKII MUZHNIK, *Pravda o Sovetskoï Rossii* [The Truth About Soviet Russia] (N. I., 1937), 11–12, 15, 137.

N. A. OMEĻCHENKO, *V poiskakh Rossii: Obshchestvenno-politicheskaia mysl’ russkogo zarubezh’ia o revoliutsii 1917 g., bol’shevizme i budushchikh sud’bakh rossiskoi gosudarstvennosti* [In Search of Russia: Socio-Political Thought of the Russian Diaspora on the 1917 Revolution, Bolshevism, and the Future Fate of Russian Statehood] (SPb.: Izd-do RKHGI, 1996), 358.

Perevybory Sovetov [Re-Election of the Soviets], *Rul’*, 28 oktiabria, 1922.

A. V. PESHEKHONOV, *Pochemu ia ne emigriroval* [Why I Did Not Emigrate] (Berlin: Obelisk, 1923), 6, 51, 68.

Poslednie novosti [Latest News], 18 marta, 1921.

I. M. RYBAKOV, “Aleksandr Fedorovich Kerenskii o Rossii: otsenki “Izdaleka”” [Alexander Fyodorovich Kerensky on Russia: Assessments “From Afar”], *Dostizheniia vuzovskoi nauki*, no. 15 (2015): 36–40.

G. I. SHREIDER, “Perevybory sovetov i mestnaia reforma v Sovetskoï Rossii” [The Re-Election of Soviet Councils and Local Reform in Soviet Russia], v *Zapiski instituta izucheniia Rossii*. T. 1 (1925), 179, 185.

G. I. SHREIDER, “Perspektivy kommunisticheskoi diktatury” [Perspectives on Communist Dictatorship], *Revoliutsionnaia Rossii*, no. 59-60 (1927): 25–26.

G. I. SHREIDER, “Tsarskoe v sovetskom (K peresmotru sistemy upravleniia)” [Tsarist Elements in the Soviet (Towards a Revision of the Management System)], *Revoliutsionnaia Rossii*, no. 57-58 (1927): 41.

Sovetskie zakonoiskusniki [Soviet Lawmakers], *Rul’*, 27 noiabria, 1922.

STARII IURIST, “Zametki o sovetskom zakonodatel’stve (nezavisimii sud)” [Notes on Soviet Legislation (An Independent Court)], *Bor’ba za Rossiïu*, no. 2 (1926): 13.

N. S. TIMASHEV, "Problema natsional'nogo prava v Sovetskoii Rossii" [The Problem of National Law in Soviet Russia], *Sovremennye zapiski*, no. 29 (1926): 390–392, 394, 397. Tozhe "vybornaia kompaniia" [Another Election Campaign], *Za svobodu*, 23 oktiabria, 1924.

Tragediia russkoi intelligentsii: (Preniia po dokladu N. D. Avksent'eva) [The Tragedy of the Russian Intelligentsia: (A Debate on the Report of N. D. Avksentiev)], *Poslednie novosti*. 20 iuliia, 1923.

Tri platformy Respublikansko-Demokraticeskikh Ob'edinenii (1922–1924 gg.). Politicheskii kommentarii P. N. Miliukova [Three Platforms of Republican-Democratic Unions (1922–1924): Political Commentary by P.N. Milyukov] (Parizh, 1925), 21–22.

N. V. USTRIALOV, *Rossia. U okna vagona* [Russia: At the Carriage Window] (Kharbin, 1926), 37.

N. V. USTRIALOV, *V bor'be za Rossiia* [In the Fight for Russia] (Kharbin, 1920), 12.

G. V. VERNADSKII, *Opyt istorii Evrazii. Zven'ia russkoi kul'tury* [The Experience of Eurasian History: Links of Russian Culture] (M., 2005), 96–98.

M. VISHNIAK, "Na rodine i na chuzhbine" [At Home and Abroad], *Sovremennye zapiski*, no. 26 (1925): 396.

M. VISHNIAK, "O "svobodnykh sovetakh"" [On "Free Soviets"], *Dni*, no. 72 (1930): 10.

Vybory v Moskovskii Sovet [Elections in the Moscow Soviet], *Revoliutsionnaia Rossiia*, no. 8 (1921).